

ВЕЛИКАНОВ МИХАИЛ

ЧЕРНОБЫЛЬ:
— ТИХИЙ СЕКТОР —

Михаил Великанов

Чернобыль: Тихий Сектор

<https://litres.ru/74607142>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сектор начинается не с границы. Сектор начинается с той секунды, когда ты перестаёшь удивляться, что твоя тень короче, чем должна быть.

Шестнадцатилетний Клён уходит в Чернобыльскую зону, чтобы найти брата, пропавшего три года назад. Он не знает, что здесь нельзя называть своё имя, нельзя спрашивать чужое и нельзя оглядываться первые сутки.

У него есть зажигалка брата, которая теплеет, когда он надеется, — и холодная тетрадь водителя, который умер, чтобы его спасти.

И у него есть предупреждение, которое он слышит от всех: «Не ищи».

Но Клён не умеет не искать. Он умеет только идти вперёд — туда, где стоит десятиметровое существо, где время идёт рывками, а люди постепенно забывают, кем были.

Он ищет брата. Он найдёт правду. Если успеет вспомнить, зачем шёл.

Михаил Великанов

Чернобыль: Тихий Сектор

Глава 1

Предисловие

Из полевого дневника сталкера, найденного в лагере-призраке: «Сектор начинается не с границы. Сектор начинается с той секунды, когда ты перестаёшь удивляться, что твоя тень короче, чем должна быть. Дальше — дело привычки. Привычка — дело времени. А время здесь идёт рывками, так что привыкнуть можно быстро.»

Глава 1. Водитель

Клён стоял на границе Сектора и крутил зажигалку в кармане. Он смотрел на траву. Она была темно жирная как будто была полита чем-то. Ветер стих, и стало так тихо, что он слышал шум в ушах.

Машина появилась без звука. Старая, серая, с ржавчиной по краям. Она остановилась в двух шагах от Клёна. Водитель — мужик лет пятидесяти, с сигаретой в зубах — не смотрел на него. Просто открыл дверь.

Клён не двинулся.

— Садись, — сказал водитель. — Или ты пешком до лагеря?

Клён сел. Внутри пахло бензином и старым табаком.

Ехали молча. Дорога была ровная, но тени за окном дёргались — то длинные, то короткие. Как будто время спотыкалось.

— Зачем едешь туда, парень? — спросил водитель.

— Брата ищу, — сказал Клён.

Водитель долго молчал. Потом затянулся и выпустил дым в окно.

— Все ищут, — сказал он. — Никто не находит.

Клён опустил руку в карман. Зажигалка была тёплая. Как будто её только что держали в руке.

Они ехали молча минут двадцать. Тени за окном дёргались — то длинные, то короткие. Клён смотрел на них и не понимал, спит он или нет.

— У меня жена была, — сказал вдруг водитель.

Клён обернулся. Водитель смотрел на дорогу. Сигарета в зубах погасла, но он её не вынимал.

— Давно?

— Двадцать лет. — Он помолчал. — Рак. Быстро.

Клён не знал, что сказать. Он не умел говорить такие вещи. Поэтому молчал.

— Дети выросли, — сказал водитель. — Сын в Москве. Дочь в Питере. Звонят раз в год. На Новый год.

Он усмехнулся. Не зло. Просто устало.

— Я им звоню. Говорю: «Приезжайте». Они: «Пап, работа». Работа. — Он повторил это слово так, как будто оно было грязным. — А тут хоть кому-то нужен. Кто-то сядет, скажет «спасибо». Кто-то «сядь, брат». Кто-то...

Он замолчал.

— Кто-то, — тихо повторил Клён.

Водитель кивнул. Больше не сказал ничего.

Через минуту мотор чихнул. Раз. Другой.

— Приехали, — сказал водитель.

Он вышел. Хлопнул дверью так, что Клён вздрогнул. Открыл капот. Оттуда повалил пар — белый, густой, как будто машина выдохнула.

Клён тоже вышел. Воздух был холодный. Над лесом висе-

ла луна — большая, жёлтая, слишком близкая. Звёзд не было. Только луна.

— Что с ней? — спросил Клён.

Водитель не ответил. Он копался в моторе, светя себе зажигалкой. Клён подумал: у него тоже зажигалка. Только его — в кармане, и она тёплая.

— Ключи есть? — спросил водитель.

— Какие?

— От машины. — Водитель выпрямился. Лицо у него было тёмное, усталое. — Ладно. Утром поедem. Спи.

Он сел за руль. Откинулся. Закрыв глаза. Сигарета в зубах давно погасла, но он её не вынимал. Как будто она была частью его.

Клён сел рядом. Стекло было холодное. Он прижался к нему лбом и смотрел на лес.

Лес молчал. Не так, как обычно молчит лес — с шорохом, с ветром, с птицами. А совсем. Как будто там никого не было.

— Спи, — повторил водитель.

Клён не спал. Он смотрел, как зажигалка в его кармане медленно остывает. Как будто что-то уходило.

Потом луна мигнула. На секунду. Как будто кто-то закрыл её рукой.

— А ты почему один? — спросил водитель.

Клён не ответил.

— Брат — это понятно, — сказал водитель. — Все кого-то ищут. А до брата? Почему ты один?

Клён молчал. Стекло было холодное. Он прижался к нему лбом.

— Друг был, — сказал он наконец.

— Был?

— Утонул. Зимой. На карьере.

Водитель не сказал «соболезную». Не сказал «мне жаль». Он просто затянулся — хотя сигарета давно погасла. Привычка.

— Ты его держал? — спросил он.

Клён вздрогнул. Он никому этого не говорил.

— Держал, — сказал он.

— И?

— Разжались пальцы.

Водитель кивнул. Как будто ждал этого ответа.

— Все тонут, — сказал он. — Кто-то сам. Кого-то тянут. Ты его тянул — и не вытянул. Значит, теперь тянешь себя. Только так.

Клён не ответил. Слова были простые, но почему-то резали.

Они молчали долго. Лес за окном не двигался. Как будто ждал.

Потом луна мигнула. На секунду. Как будто кто-то закрыл её рукой.

Клён открыл глаза. Водитель тоже смотрел на луну.

— Что это? — спросил Клён.

— Ничего, — сказал водитель. — Спи.

Клён проснулся от того, что машина качнулась.

Раз. Другой.

За окном стояло что-то. Тёмное, высокое. Прямо у стекла.

Не двигалось. Просто смотрело.

— Эй, — сказал Клён. — Проснись.

Водитель открыл глаза мгновенно. Посмотрел в окно. И не закричал. Не дёрнулся. Он потянулся к бардачку.

— Что это? — спросил Клён.

— Сейчас.

Водитель вытащил тетрадь. Старую, в кожаном переплёте, потрёпанную. Страницы были жёлтые, как будто их жгли.

— Что это? — повторил Клён.

— Дневник. — Водитель листал быстро. — Я его двадцать лет веду.

Он нашёл страницу. Остановился. Прочитал. Губы шевелились.

— Что там? — спросил Клён.

— Она не любит свет, — сказал водитель. — И не любит, когда на неё смотрят. — Он закрыл дневник. — Отвернись.

Клён отвернулся.

Стекло треснуло. Тонко, как иглой по тарелке.

Водитель уже шарил под сиденьем. Вытащил монтировку.

— Сиди тут, — сказал он.

— Нет.

— Сиди тут.

Он открыл дверь и вылез.

Дверь хлопнула. Клён остался один.

Сначала было тихо. Потом он услышал шаги — медленные, ровные. Водитель не бежал. Он шёл спокойно, как будто собрался на работу, а не драться с чем-то в темноте.

Потом был удар. Металл по чему-то мягкому. Тварь завывала — не по-звериному, а как человек, которому очень больно.

Клён не выдержал. Он открыл дверь.

Снаружи было темно. Луна куда-то делась — то ли зашла за тучи, то ли её вообще закрыли. Водитель стоял в двух шагах. Монтировка в руке. Перед ним — оно.

Клён не сразу понял, что видит. Что-то длинное. Слишком длинное для человека. Руки — почти до земли. Голова опущена. И не было лица. Только гладкая кожа, как будто её затащили.

— Отойди, — сказал водитель. Не громко.

Тварь повернула голову. Медленно. В сторону Клёна. И шагнула.

Водитель ударил её сбоку. Монтировка вошла во что-то. Тварь дёрнулась, развернулась и ударила в ответ. Водитель успел закрыться рукой, но не полностью. Что-то хрустнуло. Рука повисла.

— В машину! — крикнул он. — Живо!

Клён не двинулся.

— ЖИВО!

Клён шагнул назад. Водитель бросился на тварь. Ударил ещё раз. Ещё. Ещё. Тварь отступила в темноту. Не убежала — просто ушла, как будто решила, что на сегодня хватит.

Водитель опустил на сидение.

— Заводи, — сказал он. — Ключи в замке.

Клён сел за руль. Повернул ключ. Мотор чихнул и заглох.

— Дёрни подсос, — сказал водитель. — Красный. Под рулём.

Клён не понял.

— Красный! — крикнул водитель. — Под рулём!

Клён рванул за руль. Нашёл. Дёрнул.

Машина чихнула. Раз. Другой.

— Ещё!

Он дёрнул ещё. Машина завывала и завелась.

Водитель уже открывал дверь. Падал на сиденье. Кровь на руке блестела в свете фар.

— Гони, — сказал он. — Прямо. Никуда не сворачивай.

Клён вёл машину. Плохо. Дорога виляла, фары выхватывали из темноты куски леса. Водитель сидел рядом, привалившись к двери. Рука лежала на коленях — чужая, неживая.

— Слушай, — сказал водитель. Голос был сухой. — Слушай внимательно.

Клён кивнул, не отрывая глаз от дороги.

— Я не доеду, — сказал водитель.

— Доедешь.

— Не перебивай. — Он помолчал. — Я не доеду. Ты знаешь. Я знаю. Давай не будем.

Клён ничего не сказал. Руль был холодный. Руки дрожали.

— В бардачке тетрадь, — сказал водитель. — Возьми.

Клён одной рукой нашарил бардачок. Вытащил дневник. Тот самый — в кожаном переплёте, с жёлтыми страницами.

— Тут всё, — сказал водитель. — Двадцать лет. Кто водится, где, чего боится. Как отгонять. Как не отгонять. — Он усмехнулся. — Как умирать.

— Зачем мне это?

— Затем, что ты пойдёшь дальше. — Водитель повернул голову. Глаза были мутные. — Ты думал, я тебя просто в лагерь везу? Я тебя вывожу. Ты мой теперь. Понял?

Клён не понял. Но кивнул.

— Там, в лагере, — сказал водитель. — Рынок. Больница. Люди. Ты никому не говори, зачем приехал. Скажешь — не пустят.

— Куда не пустят?

— Дальше. — Водитель закрыл глаза. — В центр. Где Тихий дом.

Клён сжал руль.

— Откуда вы знаете...

— Все знают, — сказал водитель. — За этим сюда и едут. Только не все доходят. — Он открыл глаза. — В дневнике есть карта. Смотри на неё каждую ночь. Там отмечено, где

можно спать. Где нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.